

В ПОТОКЕ КНИГ: БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

М. П. Лаптева

Интеллектуальная интуиция Л. П. Репиной

Аннотация: в статье дан анализ книги доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Лорины Петровны Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: теоретические основания и историографическая практика» (М., 2011 г.). Отмечены научные достоинства монографии: высокий теоретический уровень, учет методологических потребностей профессионального исторического сообщества, адекватность исследования основным направлениям научного поиска историков. Этот масштабный труд Л. П. Репиной открывает перспективы для дальнейшего изучения всего комплекса проблем, связанных с интеллектуальной культурой, а также с соотношением интеллектуальной культуры и исторического знания. Наряду с этим автор статьи считает, что необходимо более полное раскрытие историографического быта, влияния международных конгрессов исторических наук на исследовательскую практику; предлагает шире использовать понятие «историографическая ситуация».

Ключевые слова: история, рецензия, историография, коммуникация, интеллектуальная культура, междисциплинарность, теория, методология, гендер, Л. П. Репина.

В историографической ситуации рубежа XX–XXI вв. возникла настоятельная потребность в теоретическом осмыслении исследовательской практики историков. Чтобы выразить эту потребность, недостаточно осознавать ее. Необходимо обладать недюжинной научной смелостью, умением мыслить масштабно и обладать таким замечательным и редким качеством, которое еще Р. Декарт определил как интеллектуальную интуицию. Это понятие было подхвачено Ф. Шеллингом, раскритиковано Г. В. Ф. Гегелем и обрело новую жизнь в творчестве В. Дильтея, чьи идеи стали одним из истоков такого направления в исторической науке, как интеллектуальная история. То, что именно перу президента Российского общества интеллектуальной истории (РОИИ) Л. П. Репиной принадлежит обширный труд, в котором проанализированы самые существенные теоретические и методологические достижения последних десятилетий — «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика»¹, не случайно.

Учение об интеллектуальной интуиции занимает центральное место в теории познания Э. Гуссерля. Он называл интеллектуальную интуи-

цию философской, считал ее высшим родом познания, но отличал от прямой интуиции, возникающей из «смеси инстинкта и метода». Только философская интуиция, по его мнению, позволяет получить массу точнейших познаний без аппарата умозаключений и доказательств².

Интеллектуальная интуиция Л. П. Репиной развивалась постепенно. Еще в годы общения с выдающимся историком М. А. Баргом у нее мог возникнуть интерес к изучению теоретических аспектов науки. Как и Барг, она сосредоточивается на проблемах, решение которых способно кардинально улучшить процесс функционирования исторического сообщества. Книга «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика» обобщает многие прежние ее публикации, сведенные воедино таким образом, что получилось масштабное отражение потребности осмысления самых существенных достижений науки, связанных с многочисленными «поворотами» гуманитарного знания. Во введении к книге исследовательница называет бурный рост исторических исследований проявлением «интеллектуальной реакции на глобализацию» (с. 10).

Один из первых рецензентов этой книги отметил, что она является не только самостоятель-

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

² Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск. 1994. С. 79, 174.

ным исследованием, но и своеобразной историко-теоретической энциклопедией³. Не со всеми мнениями автора этой рецензии можно согласиться. Так, он полагает, что работа Л. П. Репиной не вызывает оптимизма, поскольку показывает «наше отставание по части теории». Возможно, что такая позиция автора рецензии уместна для журнала с патриотическим названием, однако он сам себе противоречит, когда отмечает, что, показав слабое место отечественной исторической науки, Репина определила творческую перспективу (что, на мой взгляд, как раз вызывает оптимизм).

Анализ состояния исторической науки на рубеже веков связан с существенной методологической важностью самого понятия «рубеж». При всей условности временных рубежей они имеют высокую эвристическую ценность, влияют на историческое сознание, значительно облегчают историческое понимание⁴. Рубеж — это и разрыв преемственности, и ее продолжение. Не случайно, что этим проблемам была посвящена одна из конференций РОИИ, задуманная и проведенная Л. П. Репиной. На рубеже веков появляется некий «финальный стиль» (Б. Пастернак), складывается особая социально-психологическая атмосфера, порожденная идеей разрыва исторического времени, закладывается фундамент для мыслительных рывков, оценить которые можно лишь при высоком уровне интеллектуальной интуиции.

Л. П. Репина много лет занимается научными исследованиями в жанре интеллектуальной истории. Не удивительно, что одна из основных особенностей этого жанра проявилась уже в первой главе новой книги, где автор рассматривает проблемы интердисциплинарности. Отметив существование исследований разных направлений (кроссдисциплинарные, мультидисциплинарные, трансдисциплинарные), Лорина Петровна показывает их отличия друг от друга и, что наиболее важно, результаты междисциплинарного синтеза для исторической науки. Угроза дисциплинарной идентичности была снижена, по ее мнению, нарастающей фрагментацией исторического знания.

Вторая глава прослеживает динамику движения от социальной к социокультурной истории,

«взаимодействия и сопряжения макро- и микро-объектов» (с. 70). В третьей главе дан анализ теоретических оснований исторического знания; они сформулированы как ответ на «вызов постмодернизма: смыслообразующую роль языка историка, глубину исторического понимания, изменения понятия исторической реальности, парадигму «новой социокультурной истории», интерпретирующей социальные процессы разных уровней сквозь призму культурных представлений, символических практик и ценностных ориентаций» (с. 127). Автор видит в микроистории реальную альтернативу постмодернизму.

Л. П. Репина отдает себе отчет в том, что «историки, как правило, не испытывают особой тяги к занятиям теорией» (с. 148). На мой взгляд, это суждение можно было бы развить, так как существует значительный разрыв между теоретическими достижениями современной историографии и реальной практикой большинства представителей исторического сообщества. Многие историки довольно вяло реагируют на многочисленные «повороты» гуманитарного знания. Стоит ли упрекать их в этом? Как же быть тогда с такой либеральной ценностью, как плюрализм? Возможно, именно поэтому на страницах книги таких упреков нет.

Очень важно внимание исследовательницы к попыткам некоторых историков разработать более рациональные теории истории, включив, например, понятие информации в качестве основы такой рациональности или поддержав идею краха так называемого большого нарратива, ведущего к многообразию нарративов, создаваемых историками. В главе о локальной истории проведен анализ различных исследовательских подходов в рамках антропологической версии социальной истории. Убедительно показано, что для всех локальных исследований центральной проблемой остается поиск методов включения локального материала в построения на макроуровне. Отмечена также неясность границы между локальной и региональной историей, однако именно последняя становится общепринятой в международном научном сообществе, выступая либо в качестве способа мобилизации исторической памяти, либо в роли эффективного инструмента исторического познания. Мимо внимания Л. П. Репиной не прошел и тот факт, что нередко научно несостоятельные публикации позиционируются как исследования по региональной истории.

³ Володихин Д. М. Методологическая «энциклопедия» Лорины Репиной // Родина. 2012. № 2. С. 30.

⁴ Лаптева М. П. Рубеж как фактор исторического познания // Американские исследования в Сибири. Вып. 5. Томск, 2001. С. 11.

Отметив перспективы глобальной истории, автор уделяет внимание моделям «новой межнациональной истории», «транснациональной истории», мировой и универсальной истории. Кроме того, затронуты и проблемы так называемых циркуляций и сравнительного подхода нового типа, который «встраивает локальные истории в глобальный контекст» (с. 205). Л. П. Репина сочла очень важным подчеркнуть, что в современных версиях глобальной истории «принцип целостности не исключает учета различий и многообразия» (с. 213), а внимание к историческому контексту одерживает верх над влиянием обобщающих теорий на обширном поле междисциплинарного синтеза (с. 225).

Один из интереснейших разделов книги посвящен анализу роли диалога культур в контексте реальной истории и в историческом познании. Очень убедителен тезис, объясняющий, почему «методология новой культурной истории и постановка проблемы диалога культур позволяет по-новому представить весь историографический процесс и его отдельные этапы» (с. 274). Подчеркнув необходимость пристального изучения бинарных оппозиций, исследовательница не оставила без внимания новые препятствия на пути межкультурного диалога, особенно те из них, которые связаны с этноцентристскими версиями интерпретации прошлого. В связи с этими размышлениями Л. П. Репиной я подумала о том, что совсем не случайно на рубеже XX–XXI вв. возникла новая отрасль научного знания – диалогистика, адепты которой называют ее наукой о базовых теоретических и методологических основах взаимного миропонимания⁵.

Специальная глава посвящена проблемам «персональной истории». Л. П. Репина настаивает на том, что «биографический момент в истории обрел новое качество», поскольку «современная историческая биография не ограничивается простым повествованием, а представляет собой историческое исследование» (с. 289–290). Не менее важным стало выделение двух познавательных стратегий: своеобразного культурного принуждения и/или выявления активной роли исторических акторов. Говоря об интеллектуальной биографии, Лорина Петровна отметила присущее этому жанру «понимание

неразрывности связи между жизнью и творчеством личности» (с. 306).

Основной тенденцией развития историографии XX в. в сфере духовной культуры она называет «движение от истории идей к интеллектуальной истории» (с. 325). Много внимания уделено исследовательскому полю современной интеллектуальной истории. Л. П. Репина представляет его в виде трех уровней: 1) анализ мыслительного инструментария; 2) изучение форм, средств и институтов интеллектуального общения; 3) выявление их взаимоотношений с социальным контекстом (с. 343). Отмечено, что контексты интеллектуальной истории варьируются между двумя полюсами: личностным и глобальным.

Для читателей этой книги особенно полезно и даже неопределимо формулирование своеобразного исследовательского вопросника интеллектуальной истории: как и почему возникали идеи и теории; как и почему менялся их смысл; как, кем и в какой форме они распространялись и какое оказывали воздействие; почему одни идеи распространялись быстрее других, как и почему одни становились «вечными», а другие забывались; почему одни тексты становились каноническими, а другие маргинальными; наконец, как менялись взаимосвязи между теми идеями, теориями, системами ценностей, которые существовали долгое время и возникали вновь (с. 365).

В отдельной главе исследовано соотношение истории историографии и интеллектуальной культуры, под которой автор монографии понимает «не абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд» того или иного общества (с. 370). Особенно важным процессом, по мнению Л. П. Репиной, стало влияние «культурного поворота», создавшего «мощный импульс для дрейфа от “истории интеллектуалов” к социокультурной истории интеллектуальных сообществ» (с. 382).

Л. П. Репина анализирует основные модели, с помощью которых может и даже должна быть описана история исторической науки: модель коррекции исторической памяти, модель дисциплинарности и модель междисциплинарности. Каждая из моделей представляет особое измерение, но общим для них является существование в проблемном поле интеллектуальной истории. Поскольку история исторической культуры немислима без изучения проблем па-

⁵ Кочетов Э. Г. Диалог: диалогистика как наука о судьбах человека и мира в контексте глобальных перемен. М., 2011.

мяти, то автор уделяет внимание и необходимости изучения динамики исторического сознания на профессионально-элитарном и обыденно-массовом уровне. Здесь тоже предложены три уровня анализа: анализ текста, анализ концепции, содержащейся в нем, и анализ исторического опыта, к которому данная концепция обращена (с. 405).

Переходя от теорий памяти к практике историописания, исследовательница констатирует важную особенность его современного состояния: «главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у его участников и современников» (с. 414). В этой главе затронута и проблема трансформации индивидуальной памяти в коллективную память — проблема «перехода от биологического ритма человеческой жизни к ритму жизни социальной» (с. 426). Интересно замечание Лорины Петровны по поводу длительности поколения. Известно, что по представлениям разных мыслителей длительность поколений варьируется от 10 до 40 и даже 50 лет. Л. П. Репина не предлагает какой-то своей цифры продолжительности поколения (возможно, считая конкретные цифры не очень уместными, так как в культурно-историческом смысле длительность поколения зависит от скорости обновления того или иного общества).

В одной из глав книги проанализирована связь исторического сознания и идентичности. Ссылаясь на мнение г. Люббе, автор напоминает нам о том, что историческая идентичность является важнейшим компонентом любой коллективной идентичности⁶.

Признавая, что историю и социальную память не всегда можно полностью отделить друг от друга, Л. П. Репина, тем не менее, довольно четко разделяет образ истории и историческое сознание, называя их двумя взаимодополняющими аспектами видения истории. Образ истории, на ее взгляд, «характеризует его содержательную сторону, историческое сознание — внутреннюю установку в отношении к истории» (с. 470), а историографические сочинения отражают и версию того, что происходило в истории и историческое его осознание. Историческая культура, в свою очередь, артикулирует историческое

сознание общества. При чтении книги у меня возникало впечатление, что автор иногда смешивает понятия «память» и «сознание». Однако ошибочность такого впечатления стала явной, когда возникло следующее рассуждение: «...каждому историческому типу памяти соответствует определенная форма исторического сознания: архаической памяти — миф, традиционной — утопия, современной — историческая наука, ... пост-модерному типу памяти — эго-история» (с. 485).

Последняя глава посвящена итогам и перспективам гендерной истории. В ней подчеркнуто, что «важным атрибутом понятия “гендер” являлась акцентация взаимной соотнесенности и взаимоопределенности понятий “мужского” и “женского”, из чего следовал вывод о невозможности их изолированного анализа» (с. 509). Отмечено наследство от истории женщин: две нерешенные задачи (выявление динамики и проблема синтеза). Л. П. Репина сочла возможным назвать продуктивным сотрудничество социальных историков и историков культуры в области гендерной истории. А вот наименее разработанным направлением в изучении гендерной асимметрии она считает историю отношений между родителями и детьми разного пола, а также между братьями и сестрами.

Заканчивая исследование, автор намечает перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия. Самым серьезным сдвигом, характеризующим современную историографическую ситуацию, она считает «отход от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микроистории, структур и событий, рационального и иррационального, стремительное расширение “территории историка”» (с. 547). Самой насущной задачей, стоящих перед историческим знанием, Л. П. Репина называет подход «к мировой истории как истории действительно *всеобщей*» (курсив автора. — М. Л.), что предполагает разработку новых методик компаративного анализа, способных не только выявить общее и особенное, но и дать новое представление об истории человечества в ее целостности и взаимосвязанности» (с. 549).

Говоря об особенностях этого масштабного труда, мне хотелось бы подчеркнуть его размах. Автор опирается на исследования значительно числа европейских и американских авторов. Это работы, изданные в Англии и Шотландии, США и Мексике, Колумбии и Канаде. Это книги

⁶ Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–113.

французских, российских и итальянских авторов. Исследования историков Испании и Голландии, Польши и Болгарии, Финляндии, Монако и Норвегии. Есть ссылки и на работы китайского историка. Достижения представителей разных исторических школ и разных методологий представлены в поистине планетарном масштабе, что, собственно, и позволило автору так скромно, но значительно назвать свою книгу.

Было бы наивным считать, что даже такое обширное исследование решило все проблемы и «закрыло тему». Современные подходы к оценке труда историка требуют отметить те его аспекты, которые стимулируют дальнейший научный поиск и определяют основные теоретические и историографические тренды. Обсуждение текста монографии Л. П. Репиной на научном семинаре Пермского регионального отделения РОИИ показало, что книга, несомненно, станет значительным вкладом в современный теоретический багаж отечественной исторической науки. Однако были отмечены и такие аспекты, которые требуют дальнейшей теоретической разработки. Например, нуждается в уточнении термин «интеллектуальная культура», так как смысл этого понятия в чем-то совпадает с некоторыми устоявшимися терминологическими коннотациями, а в чем-то вступает с ними в противоречие. Исследование современной историографической практики, проведенное Л. П. Репиной, неплохо бы дополнить характеристикой социальных условий существования науки. Историографическая практика включает в себя и конгрессы историков, и их научный быт; все это тоже не только может, но и должно составлять сюжеты анализа.

Еще четверть века назад глава тогдашней школы всеобщей истории в Пермском университете профессор Л. Е. Кертман предложил использовать понятие «историографической ситуации». Он называл историографической ситуацией «состояние исторической науки, сложившееся в результате синхронизации определенных стадий /или уровней/ развития частных /относительно самостоятельных историографических процессов»⁷. Такими самостоятельными процессами он считал накопление знаний, рост источниковой базы, обогащение методики и техники исследования, пересмотр концепций,

⁷ Кертман Л. Е. Понятие «историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 107.

изменения в принципах организации науки и многое другое. Л. П. Репина пользуется этим понятием: намечая перспективы исторической науки, она отметила, что для современной историографической ситуации характерна значительная теоретическая рефлексия «историков над проблемами исторического исследования и способами построения исторических текстов» (с. 557). И все же использование этого термина могло бы быть гораздо более обширным.

Присущая Л. П. Репиной корректность привела к тому, что в ее книге не поставлена проблема существования довольно жесткой полемики внутри российского сообщества историков: многие из них (включая известных и уважаемых) не хотят ни признавать, ни принимать никаких «поворотов». Немало представителей российского профессионального сообщества историков, не вступая в открытую полемику по теоретическим вопросам (а иногда и вовсе не интересуясь ими), остаются на прежних, традиционных, во многом позитивистских основаниях. Трудно сказать, насколько уместным на страницах такой книги мог бы быть этот сюжет, но забывать о проблеме все же не стоит.

Кроме того, назрела необходимость дальнейшего анализа сложной проблемы соотношения исторической науки и исторической памяти. Был бы разумным и учет таких современных трендов гендерной истории, как изучение истории сексуальности и лингвистических аспектов гендерной темы в историческом контексте. Меня когда-то впечатлила мысль британского писателя Т. Харди, вложенная в уста героини его романа «Вдали от шумной толпы» (она полагала, что женщине трудно выражать свои чувства на языке, выработанном главным образом мужчинами для выражения их чувств). Я думаю, что анализ подобных сюжетов скорее дело историков, а не литературоведов, хотя возможность объединения их усилий лежит в том самом пространстве интердисциплинарности, о котором так подробно и ярко (наряду с другими сюжетами) пишет Л. П. Репина.

Заканчивая обзор замечательного труда, хочется еще раз подчеркнуть одно из главных достоинств книги — ощущение биения научного пульса, адекватное реальности. Это позволило автору соединить в своем исследовании очень разные сюжеты, сопрягая интеллектуальный и интуитивный образ современного исторического знания.